

ПЛАСТИНА – ОБКЛАДКА ГОРИТА ИЗ КУРГАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V в. до н.э. У С. ИЛЬИЧЕВО (КРЫМ)

В 1964 г. Керченская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством А.М. Лескова проводила раскопки курганов у с. Ильичёво Ленинского района Крымской обл. Было исследовано 10 насыпей, в которых содержалось около 40 разновременных погребений. Богатое скифское погребение было исследовано в кургане № 1, достигавшем в высоту 2,3 м при диаметре 20 м [Лесков, 1968]¹. Помимо скифского (№ 6), в кургане было открыто еще 9 погребений: 6 – эпохи энеолита и 3 не идентифицированных.

Скифское погребение было разрушено, скорее всего, во время Второй мировой войны. Оно было совершено в каменной гробнице (сохранившейся частично), что не характерно для скифского погребального обряда в целом, но довольно часто встречается в Крыму² [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 116; Ольховский, 1991, с. 45-48; ср.: Гречко, 2017, с. 82]. В самом погребении сохранились кости человека и обломки хиосской амфоры. Отдельно от погребения, в насыпи кургана, были найдены золотые предметы, компактно сложенные и смятые грабителем – шейная гривна из четырехгранной массивной проволоки, конусовидный предмет, фрагмент нашивной пластины и двухсоставная обкладка колчана. Благодаря реставрации, проведенной В.О. Васильевой в Государственном Эрмитаже, все эти предметы удалось восстановить. В 1968 г. они были переданы из Института археологии АН УССР в фонды Музея исторических драгоценностей УССР (ныне Музей исторических драгоценностей Украины – филиал Национального музея истории Украины) [Київський музей історичних коштовностей, 1974, табл. 60-61].

¹ В целом же в данном могильнике было найдено 3 скифских погребения V в. до н.э. [Яковенко, 1974, с. 43; Мурзин, 1984, с. 37-38], что свидетельствует о появлении, в частности в Крыму, в V в. до н.э. небольших могильников (также возле сс. Долинное, Колоски, Мартыновка, Танковое), в отличие от раннескифского времени, для которого характерны лишь единичные захоронения в курганах предшествующего времени [Ольховский, 1991, с. 94].

² По всей видимости, данная особенность погребального обряда была обусловлена местными природными факторами [Яковенко, 1974, с. 59].

На основании аналогий и детального анализа стиля изображений А.М. Лесков датировал Ильичёвский комплекс первой половиной V в. до н. э. [Лесков, 1968, с. 163-165]. Поддержала эту дату и Э.В. Яковенко [1974, с. 43]. А.Ю. Алексеев отнёс данный комплекс к группе погребений, которые он совокупно датирует в пределах последней четверти VI – первой половины V вв. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 196-203]. Дата же самого комплекса определяется исследователем также в пределах первой половины V в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 216] или даже точнее – около второй четверти V в. до н.э. [Королькова, Алексеев, 1994, с. 104]. Датирование комплекса первой половиной V в. до н.э. было поддержано и А.Р. Канторовичем [2014, с. 136-137].

Ещё одним основанием для определения даты являются найденные в погребении № 6 фрагменты хиосской пухлогорлой амфоры V в. до н.э. [Яковенко, 1974, с. 42, 43; Полин, 2014, с. 233]. И именно в таких широких пределах – V в. до н.э. – определяли дату Ильичёвского комплекса многие исследователи, не вдаваясь в детали его анализа [Хазанов, 1975, с. 49, 52-55; Черненко, 1981, с. 48-49; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 108; Мурзин, 1984, с. 37-38; Ольховский, 1991, с. 91]. М.И. Артамонов [1974, с. 75-76] предложил более позднюю дату – вторая половина V в. до н.э. А С.Г. Колтухов и С.Н. Сенаторов отметили, что «строгих хронологических реперов в комплексе из Ильичёво нет», определив данный комплекс лишь как более старший относительно погребения в кургане Пастака (Дорт-Оба), который они датировали концом V – началом IV вв. до н.э. [Колтухов, Сенаторов, 2015, с. 111-112].

Данная работа посвящена пластине со сценой нападения хищников на оленя (рис. 1), которая после публикации неизменно находится в поле внимания исследователей [Лесков, 1968, с. 163-165, рис. 6-7; Лесков, 1972, с. 50-51, илл. XII; 13; Венедиков, 1975, с. 107-108, рис. 5; Яковенко, 1976, с. 135-136, рис.10; Штительман, 1977, ил. 153; Лесков, 1981, с. 121-122, рис. 19; Черненко, 1981, с. 49-50, рис.32; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 70; Simone, 1991, Abb. 25; Переводчикова, 1994, с. 143-144; Античные памятники Крыма, 2004, фото на с. 268; Канторович, 2002, рис. 5, 1; 2014, с. 136; Колтухов, Сенаторов, 2015, с. 10; др.].

По определению А.М. Лескова [1968, с. 162-163], данная пластина вместе с ещё одной (рис. 2) являлась частью обкладки колчана. Пластина с изобразительным фризом, выполненным тиснением, подпрямоуголь-

ной формы, слегка изогнута, её ширина 12,5 см, высота – 10 см. Сверху и снизу края пластины окаймлены накладными рельефными полосками, закреплёнными на ней при помощи золотых заклёпок – по 5 вдоль верхнего (три из них отсутствуют) и нижнего края. Вторая, нижняя, пластина удлинённой формы, округлая в нижней части, её поверхность гладкая, ширина 12,5 см, длина 23,5 см. Общая длина пластин обкладки 33,5 см. Поскольку длина известных скифских колчанов составляла 50-70 см, А.М. Лесков предположил, что золотая обкладка покрывала не весь колчан, а лишь его верхнюю и нижнюю части, или же была ещё одна, не сохранившаяся, равная по длине нижней [Лесков, 1968, с. 162-163]. По аналогии с ножами меча из погр. 1 кург. 6 у с. Александровка (данный комплекс в целом синхронен с ильичёвским), которые были обложены золотыми пластинами только в нижней части и на боковой лопасти-выступе [Ковалёва, Мухопад, 1982, с. 97-99, Рис. 2,5; 3, 1; 5, 1-3], первый вариант реконструкции покрытия ильичёвского колчана является более приемлемым.

В дальнейшем большинством исследователем была поддержана интерпретация пластин как обивок колчана [Яковенко, 1974, с. 43, 97; Хазанов, 1975, с.49, 52-55; Яценко, 1977, с. 46; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 108; Мозолевский, 1983, с. 192, ил. 19; Мурзин, 1984, с. 38, 71; Переводчикова, 1994, с. 143; Канторович, 2014, с. 136; Колтухов, Сенаторов, 2015, с. 109; др.]. Е.В. Черненко [1981, с. 49] предположил, что «эти пластины, как и ... металлические предметы из Золотого кургана, будет вернее связывать с горитами, чем с колчанами». Конечно же, определить тип футляра по размерам его металлической обкладки с полной уверенностью нельзя. Характерно, что серебряная пластина из Золотого кургана, близкая по размерам ильичёвской, украшала карман горита, в котором было около 180 наконечников [Колтухов, 1999, с. 14-15; рис. 2], представляющих почти максимальное количество стрел, находящихся в горитах. По мнению Е.В. Черненко, есть все основания считать, что основным типом приспособлений, применявшихся скифами для ношения стрел и лука, был горит. Во всяком случае, в тех погребениях, где был один набор стрел, скорее всего, был положен именно горит. В пользу мнения о преимущественном распространении в скифской воинской среде горитов убедительно свидетельствует то, что на всех предметах торевтики и каменной скульптуры изображен именно этот вид воинского снаряжения [Черненко, 1981, с. 50-51].

Гориты известны по находкам самых разных составных частей [Мелюкова, 1964, с. 32-34; Черненко, 1981, с. 29-93]. И только часть из них была декорирована различными изображениями ³, преимущественно зооморфными. Используя полную сводку данных предметов и их анализ Е.В. Черненко [1981, с. 29-93; см. также: Канторович, 2014, с. 136] и новые данные, можно сделать следующие наблюдения в трансформации декора горитов, происходившем в течение всего скифского периода.

Представления о декоре горита раннескифского времени дают, прежде всего, находки из *Келермесского кур.* 4/Ш в Прикубанье. Внешняя сторона горита, происходящего из этого комплекса, была обита большой золотой пластиной (40,5 × 22,2 см) с изображением 24 оленей, расположенных в выделенных рельефными линиями квадратах, по сторонам от которых были расположены два ряда фигур пантер по 16 в каждом. Согласно реконструкции Е.В. Черненко [1981, с. 62], горит имел круглое дно, покрытое круглой золотой пластиной с изображением 4 оленей. Фактически данный горит обозначил связь данной категории воинского снаряжения с двумя центральными образами «звериного стиля» – пантерой и оленем, а также с символикой Мирового древа.

В подобном же «развёрнутом» виде аналогичная символика представлена в декоре горита из комплекса конца VI в. до н.э. кургана *Витова Могила*: здесь было использовано 11 золотых бляшек с изображением хищников, 6 золотых бляшек с изображением горных козлов с подогнутыми ногами и повернутой назад головой (аналог образу оленя) и 11 золотых бляшек с изображением головы хищной птицы (образ дополняющий и развивающий обозначенную символику). По всей видимости, с горитом связаны бронзовые крестовидные бляхи второй половины VI в. до н.э. из погр. 12 (1910 г.) *архаического некрополя Ольвиш* [Скуднова, 1988, с.55, кат.55], на которой изображены свернувшийся хищник, 4 головы барана и 3 головы хищной птицы, и из *погр. 3 кург. 3 могильника Аксай-1* в Нижнем Поволжье ⁴ [Дьяченко, Мэйб, Скрипкин,

³ Известны также украшения горитов различными рисунками, однако, их сюжет пока ни разу не был зафиксирован [Черненко, 1981, с. 47].

⁴ Бляха с обломанной верхней частью находилась на запястье левой руки, а ниже, возле левого колена, был найден пучок бронзовых и железных наконечников стрел. Учитывая, что длина скифских колчанов/гориов достигала 50-70 см [Лесков, 1968, с. 162-163], можно предположить, что бляха находилась в верхней части футляра колчана/горита.

Клепиков, 1999, с. 96, рис. 4, 3; 5, 2], где сохранилась нижняя часть с изображением свернувшегося хищника и 3 голов хищных птиц (о возможной символике данных изделий, также восходящей к мифологеме Мирowego древа, см.: [Полідович, 2000, с. 44]).

По всей видимости, символикой Мирowego древа обусловлен и декор колчана из 2-го *Семибратнего кургана* в Прикубанье (V в. до н.э.), представленный серебряной, частично позолоченной пластиной высотой 34,3 см, разделенной на два изобразительных яруса: на верхнем размещена фигура стоящего оленя с повернутой назад головой, увенчанной ветвистыми рогами, между ногами животного стоит оленёнок с подогнутыми передними ногами и поднятой вверх головой; в нижней части – фигура орла с развёрнутыми крыльями, направленная вниз головой. К этой же группе, вероятно, следует отнести и горит из *кург. 5 у с. Архангельская Слобода* (V в. до н.э.), который был декорирован золотыми пластинками с изображением кабана (6 экз.), хищника семейства волчьих (3 экз.), оленя (1 экз.) и пантеры (первоначально также 3 экз.), держащей в лапах голову человека (см. варианты реконструкции горита: [Лесков, 1981, с.140-141, рис. 26; Черненко, 1981, с. 55-56, рис. 37, 2]).

Чаще встречаются «свёрнутые» варианты, когда в декоре был использован только один из обозначенных образов – олень или пантера. Так, фигура оленя была размещена на горите, воспроизведённом на каменной статуе из *Зеуани* на Кавказе [Ольховский, 2005, илл. 65, 80; Алексеев, 2014, рис. 4]. Украшениями горитов были, по всей видимости, большие бляхи с изображением оленя из архаичного *Костромского (1-го Разменного)* кургана в Прикубанье и комплекса конца V в. до н.э. в *кургане Куль-Оба* в Крыму [Алексеев, 2009; 2014; Подольский, 2010, с. 110-114]. Из *кург. 2 (раскопки 1883-1885 гг. С.А. Мазараки)* у с. *Аксютинцы* в Посулье, датируемого V в. до н.э., происходит большая золотая прямоугольная пластина (24 × 14 см) с изображением оленя с подогнутыми ногами и вытянутой вперёд склонённой головой⁵. А гориты из воинских погребений из *кург. у с.Новая Розановка* и *кург. 7 у г. Мариуполя* были украшены массивными бронзовыми бляхами в виде головы лося (образ

⁵ Согласно предположению М.И. Артамонова, украшением горита могла служить и золотая пластина с изображением оленя, найденная в кург. 6 (1910 г.) у ст. Елизаветовской на Нижнем Дону [Артамонов, 1966, с. 78, табл. 322]. Однако, по нашему мнению, права А.П. Манцевич, которая отнесла пластинку (а их было 2 экз.) к обивке деревянной чаши [Манцевич, 1966, с.33, рис. 6, 1, 2].

во многом семантически аналогичный оленю). Подобная бляха была найдена также в разрушенной насыпи *кургана у с. Жовнино*.

Большая пластина с изображением пантеры из *Келермесского кург.* I/III в Прикубанье также, по всей видимости украшала, горит [Алексеев, 2009; 2014, с. 70-73, рис. 2; 7; Подольский, 2010, с. 110-114], что подтверждается изображением фигуры хищника на горите на каменной статуе из *ст. Манычской* в Нижнем Подонье (конец VII – третья четверть VI в. до н.э.) [Канторович, 2014, с. 136]. Из *Золотого кургана* происходит горит, который был покрыт серебряной вытянутой пластиной, в верхней части украшенной 4-мя овалами, над которой, по всей видимости, располагалась массивная бронзовая, обложенная золотом фигурка львицы с вытянутыми лапами и повернутой анфас головой [Черненко, 1981, с. 49; рис. 31]⁶. Вероятно, наиболее поздним в этой группе является горит из *Центральной гробницы кургана Толстой Могилы* середины IV в. до н.э., серебряная основа которого была украшена как минимум шестью золотыми ажурными пластинами с изображением морды льва анфас и фигуры грифона [Мозолевский, 1979, с. 62-64; Черненко, 1975, с. 154-155; 1981, с. 64-66].

Из комплекса конца VI в. до н.э. *кургана Опишлянка* происходит горит, в декоре которого были использованы 14 золотых бляшек с изображением хищников с поджатыми под туловище лапами и опущенной головой и большая бронзовая крестовидная бляха, обтянутая золотым листом⁷, на которой воспроизведены 4 фигуры хищников и 4 сцены терзания хищником козла (антилопы?). Подобная же бляха, также, по нашему мнению, являвшаяся частью декора горита, найдена в разрушенном *кургане в с. Гусарка* в Степном Причерноморье [Мурзин, 1977, с. 56-60, рис. 2].

По сути дела, крестовидные бляхи со сценами терзания обозначили смену символики горитов. Поскольку для декора горитов V вв. до н.э. сцены терзания становятся уже достаточно характерными. Это, прежде

⁶ По аналогии с данной фигуркой, вполне возможно предположить, что украшением горита являлась и массивная фигурка быка, выполненная из бронзы и обложенная золотом, происходящая из курганов, раскопанных в Золотоношском уезде Полтавской губернии (см. детальнее: [Грибова, Полидович, 2013]).

⁷ Е.В. Черненко [1981, с. 46] высказал сомнения по поводу того, что крестовидная бляха могла быть связана с горитом. По мнению А.Р. Канторовича [2014, с. 137], она использовалась для крепления горита.

всего, рассматриваемая пластина из *Ильичёвского комплекса*. В кург. 1 (раскопки 1897-1898 гг. С.А. Мазараки) у с. Волковцы в Посулье были найдены остатки кожаного горита, который украшали пять золотых пластинок: одна с изображением льва, одна – растительного орнамента и три – сцены нападения льва на козла [Ханенко, Ханенко, 1899, с. 6, табл. XXIV, 410, 413, 417; Черненко, 1981, с. 58]. В кург. *Пастака (Дорт-Оба)* в Крыму найден кожаный колчан, украшенный четырьмя золотыми пластинами разной величины, покрывавшими всю лицевую сторону: на большой – орёл с зайцем в клюве, на боковой – грифон, лев (?) и рогатое фантастическое животное, на выступе – грифон с повернутой назад головой, а на нижней пластине, покрывавшей круглое дно – «маска» льва [Черненко, 1981, с. 58, 61]. Из 1-го *Ульского кургана* (раскопки 1898 г.) в Прикубанье происходит золотая пластина с рельефными изображениями двух грифонов, напавших на козла, и фигурой оленя позади них ⁸, которая по предположению М.И. Ростовцева [1925, с. 334], поддержанном А.И. Мелюковой [1964, с. 33] и Е.В. Черненко [1981, с. 31, рис. 18], также украшала горит.

Для больших пластин-обкладок горитов IV в. до н.э. характерны изображения из жизни легендарных скифских или греческих героев, дополненные сценами терзания и борьбы животных. Это серебряная обивка горита с позолоченными фигурами и орнаментом из кургана *Солоха* и большие золотые пластины чертомлыцкой серии (курган Чертомлык, Мелитопольский курган, Пятибратний кург. 8, кург. у с. Ильинцы). На пекторали из Толстой могилы размещены изображения двух горитов, на которых воспроизведены сцены борьбы антропоморфного персонажа с чудовищем. Из кургана *Карогадеуаиш* в Прикубанье и могилы *Филиппа II в Вергине* (Болгария) происходят гориты, украшенные позолоченной серебряной пластиной, на которой воспроизведены сцены штурма и разграбления Трои. В данном случае эпические сцены не были дополнены сценами противостояния животных, но их также можно рассматривать в этом же круге декорированных изделий.

Таким образом, можно отметить, что в конце VI – V вв. до н.э. происходит постепенная смена образной и мировоззренческой основ декора горитов, выразившаяся в переходе от образов и символики Мирового

⁸ Пластина была найдена повреждённой в грабительском лазе. Её размеры – 17,3 × 6,3 см [Ульские курганы, 2015, с. 14, 136, кат. 9, табл. 29, 1].

древа к сценам терзания животных, воинских сражений и жизни героев⁹. И пластина от горита со сценой нападения хищников на оленя из Ильичёвского комплекса является одним из показательных изделий, позволяющих понять и проследить данный процесс.

Аналогичное значение имеет ильичёвская пластина в сюжетном и стилистическом отношении.

На пластине воспроизведена сцена нападения на оленя змеи, хищника (льва?) и орла (рис. 1). Она является абсолютной уникальной и не имеет никаких изобразительных аналогов. Для скифского и скифо-античного искусства были характерны сцены нападения (терзания) на жертву одного или, реже, двух хищников [Полидович, 2006, с. 355-358; 2017, с. 188-190]. Единственной аналогией может служить сцена терзания копытного животного тремя хищными существами (большой хищник, похожий на тигра, маленький «рогатый» хищник и ушастый орел), воспроизведённая на золотых парных поясных пряжках раннесарматского времени из «Сибирской коллекции Петра I» [Руденко, 1962, табл. V, 5]. Как условную сцену терзания можно интерпретировать изображения на трёх композиционно близких друг другу бронзовых бляхах, происходящих из Павлодарского Прииртышья, Пьяноборского могильника в Волго-Камском регионе и кург. 1 могильника Илекшар I в Южном Приуралье [Акишев, 1976, рис. 1; Васильев, 2004, рис. 5, 1; 22, 7; Гуцалов, 2007, рис. 8, 1] и датирующихся в пределах VI в. до н.э. В их центре находится изображение свернутой фигуры козла (антилопы?), вокруг которой радиально расположены три хищника. Во всех данных случаях изображение сцен терзания можно интерпретировать как выражение темы жертвоприношения и, прежде всего, трёхчастного жертвоприношения, имевшего, по всей видимости, особое значение в культуре североиранских народов [Полидович, 2006, с. 362-363]. На ильичёвской пластине три хищника олицетворяют три части мироздания, тем самым подчеркивая космическое значение жертвы. Данная сцена представляет «развёрнутый» вариант темы жертвоприношения, тогда как все иные изображения, на которых на жертву нападает один или два хищника, по всей видимости, являлись «свёрнутым» вариантом выражения данной темы.

⁹ Подобные же изменения происходят и с декором ножен мечей [Полидович, 2014-а; 2014-б], что в целом связано со значительных трансформациях в скифском обществе в конце VI – V вв. до н.э. (см., например, об этом: [Погребова, Раевский, 1993; Алексеев, 2003, с. 194, сл.; др.]).

Сцены терзания были популярными в искусстве большинства регионов скифского мира. Они имели разное воплощение как в задействованных образах, так и в сюжетном наполнении [Полидович, 2006]. Происходила и определённая стилистическая трансформация изображений. И в этих процессах ильичёвская пластина также занимает ключевую позицию. Наиболее ранние изображения данной сцены, известные на территории скифского мира, размещены на предметах, так или иначе связанных с древневосточным искусством. Это находки из Келермесских курганов (Прикубанье) второй половины VII в. до н.э.: золотая чаша, на которой воспроизведены сцены погони волка за козой и нападения льва на козла, и серебряное зеркало с электровой обкладкой, где представлена сцена борьбы льва с быком [Галанина, 1997, табл. 1; 2, 23]. Изображения сцен терзания, выполненные в традициях уже собственно «звериного стиля» и воспроизведённые достаточно условно, появляются на территории восточных регионов скифского мира в тувинском кургане Аржан 2 и памятниках, связанных с ним в культурном отношении [Џугунов, Parzinger, Nagler, 2006, Taf. 1; 2, 1; 12, 1; 13, 5-7; 24, 3; Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, фото на с. 85; др.] и датирующихся концом VII – VI вв. до н.э. К этому же кругу относятся и уже упоминавшиеся бронзовые бляхи с изображением трёх хищников павлодарского типа. В Северном Причерноморье первые собственно скифские изображения сцен терзания связаны с крестовидными бляхами, появившимися в середине – второй половине VI в. до н.э. [Полидович, 2000, с. 35-48]. Это также упоминавшиеся выше бляхи из кургана Опишлянка и кургана в с. Гусарка. Ильичёвскую пластину в этом ряду можно считать наиболее ранней из тех, что представляют сцену терзания уже в реалистично-условной манере воспроизведения, в отличие от более архаичной условно-символической манеры второй половины VII – VI вв. до н.э.¹⁰ Изображения сцен терзания, выполненные достаточно реалистично, распространяются довольно широко в Северном Причерноморье и Прикубанье в V–IV вв. до н.э. [Полидович, 2006, с. 359-360], вероятно, под влиянием античного искусства и при непосредственном участии античных ювелиров (в частности, при из-

¹⁰ Вероятно, именно поэтому Т.Н. Троицкая считает, что ильичёвская пластина является работой греческого мастера [Троицкая, 1997, с. 35]. См. также: [Штительман, 1977, ил.153].

готовлении таких изделий как фиала из кургана Солоха, пектораль из Толстой Могилы, амфора из кургана Чертомлык и др.].

Также ильичёвская пластина является одним из самых ранних изделий, на котором представлена сцена терзания именно оленя. На кресто-видных бляхах второй половины VI в. до н.э., так же, как и на бронзовых бляхах павлодарского типа, объектом нападения является козёл (антилопа?). Козёл как жертва предстаёт на изображениях и более позднего времени, в частности, на золотых нашивных пластинках из кург. 5 у с. Архангельская Слобода в Степном Причерноморье [Лесков, 1972, ил. 33; 1981, рис. 25, 14; Грѣбкова, 2009, с. 107, 108, рис. 3, 2], комплекс которой датируется уже второй половиной V в. до н.э., и на аналогичных им по композиции, золотых пластинках из кург. 1 (раскопки С.А. Мазараки в 1897-1898 гг.) у с. Волковцы в Посулье ¹¹ [Ханенко, Ханенко, 1899, с. 6, 31, кат. 417, табл. XXIV, 417; Ильинская, 1968, с. 48, табл. XXXVII, 18]. Но чаще жертвой в сценах терзания на изображениях V-IV вв. до н.э., происходящих из западных регионов скифского мира, выступает именно олень или лань [Полидович, 2006, с. 359].

По всей видимости, с тем, что образ оленя наполнился новым содержанием и стал играть новую роль, связаны и изменения в иконографии его изображения. Согласно наблюдениям А.Р. Канторовича, в V в. до н.э. почти выходят из употребления раннескифские динамичные изображения «летающего» оленя (с ногами, компактно подогнутыми под туловище, и вытянутой вперёд шей и головой, увенчанной длинной и массивной кроной рогов) и распространяются более статичные изображения «лежащего» оленя (с подогнутыми ногами, вертикально поставленной шей и головой, расположенной перпендикулярно линии шеи) [Канторович, 1996]. И если изображения первой группы всегда были автономными и никогда не задействовались в сюжетных сценах ¹², то изображения второй известны в равной степени и в качестве самостоятельного образа, и как воплощение жертвы в сценах терзания. В восточных регионах

¹¹ В данном случае, изображение сцены терзания обрамлено прямоугольной рамкой, что является поздним признаком (см., например: [Алексеев, 1984]). Дата самого волковецкого комплекса определяется по античной керамике в пределах второй четверти – второй половины IV в. до н.э. [Ильинская, 1968, с. 79; Алексеев, 1992, с. 149; Бидзиля, Полин 2012, 528-529].

¹² Своеобразное исключение составляет только изображение оленя из кургана Куль-Оба (см. подробнее: [Полидович, 2006, с. 363]).

скифского мира, в отличие от Северного Причерноморья и Прикубанья, изображения второй группы не известны, как и не характерны сцены нападения на оленя. В качестве жертвы там выступали, как правило, козёл, баран или лось.

Ильичёвский олень занимает своеобразное промежуточное положение между двумя группами изображений [Канторович, 1996, с. 51]. Это, в частности, связано со своеобразием композиции изображения: шея оленя наклонена несколько вперёд, а его голова приподнята. Подобное расположение головы достаточно редко встречается на изображениях как оленя, так и других копытных животных. К раннескифскому времени относятся изображения горного козла на роговой шпильке из кург. 1 у с. Волошино в Левобережной поднепровской лесостепи [Кулатова, Скорий, Супруненко, 2010, рис. 27, 1; вкл. I, 4]. А почти синхронным ильичёвскому является изображение оленя на золотой пластинке из кургана возле Ак-Мечети в Крыму [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 101].

С точки зрения композиции изображение на ильичёвской пластине отличается тем, как передан хищник в момент нападения на оленя – обхватив его передними лапами за плечевой отдел и вцепившись зубами в грудь. Подобная поза нападающего хищника не встречена ни на одном известном изображении. Как правило, хищник кусает свою жертву за морду или внутреннюю сторону шеи при атаке спереди, за плечо или внешнюю сторону шеи при атаке сзади, а также за круп или заднюю ногу.

Довольно редкой является сцена нападения на копытное животное хищной птицы. Только из Пазырыкского кург. 2 на Алтае происходит изображение огромной хищной птицы с фантастическими чертами, когтящей лося [Руденко, 1960, рис. 151, 1]. Несколько сцен терзания с участием фантастической птицы воспроизведено и на золотых предметах (поясных парных пряжках, конском «эгрете») из «Сибирской коллекции Петра I» [Руденко, 1962, табл. I; III, 5; IV, 3; V, 5; XIX, 1; Королькова, 2011], но они относятся уже к более позднему времени. А из кург. 1 у с. Жаботин на Правобережной приднепровской лесостепи происходит золотая пластинка [Ханенко, Ханенко, 1900, приложение, с. 6, табл. LXI, 470; Іллінська, 1971, рис. 2, 10], изображение на которой возможно напрямую сопоставить с ильичёвской пластиной. Здесь изображена фигура горного козла с компактно подогнутыми под туловище ногами и повернутой назад головой. К крупу животного примыкает фигура хищной птицы, как бы атакующей козла сзади также, как это показано и

на ильичёвской пластине (рис. 3). Изображение козла относится к серии изображений из Приднепровской лесостепи, для которых характерны единая композиция и многие общие стилистические элементы. Это изображения на золотых пластинках из кург. 33 у с. Бобрица [Ханенко, Ханенко, 1899, табл. LVIII, т; Іллінська, 1971, рис. 2, 8], кург. I у с. Коцюбинчики [Бандрівський, 2010, с. 151-154, рис. 6], кург. 1/2016 г. могильника Скоробор [Шрамко, 2017, с. 375-777, рис. 7, 1; 9; 10, 4], кург. 449 у с. Гладковщина [Іллінська, 1971, рис. 2, 14; Галанина, 1977, с. 38, табл. 21, 3], курганов Роменской группы из раскопок С.А. Мазараки после 1886 г. [Бобринский, 1901, с. 62, табл. VI, 5; Іллінська, 1971, рис. 2, 18] и курганов у с. Аксютинцы из раскопок Т.В. Кибальчича в 1875-1876 гг. [Ильинская, 1954, табл. II, 39; Шрамко, 2017. Рис. 10, 1]. Большее количество изображений данной серии датируется в рамках келермесского горизонта, относящегося ко второй половине VII – первой четверти VI вв. до н.э. (см., например: [Дараган, 2011, с. 598; Шрамко, 2017, с. 378]). Наиболее позднюю дату среди них имеет, вероятно, изображение на золотой пластинке из кург. № 449 у с. Гладковщина, в составе инвентаря которого был античный килик второй [Онайко, 1966, с. 25, 60; Галанина, 1977, с. 38] или, согласно новым представлениям, первой половины [Дараган, 2010, с. 194] или же середины [Гречко, 2016, с. 53, 55] VI в. до н.э. Античная амфора находилась в составе инвентаря и кург. 1 у с. Жаботин [Ханенко, Ханенко, 1900, Приложение, с. 6, кат. 846], однако, никаких сведений о ней, кроме общего описания, не сохранилось. Однако по общей стилистике можно говорить, что жаботинская пластинка относится к поздней группе изображений данной серии и в целом синхронна пластинке из Гладковщины. Сочетание фигур козла и птицы на жаботинском изображении делает его уникальным в данной серии, но сближает композиционно с ильичёвской пластиной. Скорее всего, оба изображения воплощают некую общую мифологему, бытовавшую в Северном Причерноморье в определённое время – во второй половине VI – первой половине V вв. до н.э.

В ильичёвском изображении также использовано много уникальных стилистических приёмов, почти не встречающихся на других изделиях. Прежде всего, это касается особенностей воспроизведения хищника и орла. А вот использование приёма зооморфного замещения является довольно показательным. В данном случае он использован как минимум трижды: завитки длинных рогов оленя, кончик его хвоста и щека

хищника «превращены» в голову хищной птицы. Возможно, намёк на зооморфное «превращение» также содержится в воспроизведении путового сустава ног оленя, а также, не исключено, голова птицы размещена на плече этого же животного.

«Превращение» завитков рогов оленей в головы хищных птиц – довольно распространённый приём в «зверином стиле» [Канторович, 2002, с. 89]. Рога оленя на ильичёвской пластине представлены большой задней ветвью, на которой отростки как бы выстраиваются друг за другом в один ряд. Как правило, так изображали рога оленя в раннескифское время, а отростки при этом имели S-видную (Костромской, Мельгуновский Келермесские курганы и др.) или С-видную (Синявка, кург. 100; Новозаведённое-II, кург. 13 и др.) форму. Хронологически наиболее поздним изображением оленя с подобными рогами является олень на большой золотой пластине из кургана Куль-Оба [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 213]. Последний отросток на кроне рогов в данном случае был «превращён» в голову барана на длинной шее. А вот трансформация отростков подобных рогов в головы птиц известна также на изображении, воспроизведённом на боковом выступе золотой обкладки ножен из кург. 1 (раскопки 1910 г. А.А. Миллера) у ст. Елизаветовской [Артамонов, 1966, табл. 323-324]. Возможно, такие же рога были и у оленя на глиняной форме, фрагмент которой был найден на раскопе № 19 (1969 г.) Восточного Бельского городища [Шрамко, 1976, рис. 1, 1; Бойко, 2017, с. 51]. Елизаветовские меч и ножны датируются широко в пределах V в. до н.э. [Мелюкова, 1964, с. 63; Янгулов, 2002], что подтверждается и стилистикой изображений. Бельский комплекс можно датировать более узко концом VI – началом V вв. до н.э.¹³, т.е. временем, близким к созданию ильичёвской пластины. В целом же, для изображений оленей V–IV вв. до н.э., уже характерна крона рогов, отростки которой расходятся как бы веером в том или ином порядке.

¹³ Фрагмент формы найден возле бронзоплавильной печи, рядом с которой также находилась предпечная яма № 4 [Шрамко, 2016, с. 337-338]. Б.А. Шрамко датировал изображение на форме началом V в. до н.э. [Шрамко, 1976, с. 196-197; 2016, с. 338], Ю.Н. Бойко датировал комплекс, связанный с печью и ямой (мастерская на усадьбе В.Бельск, 19/4), V в. до н.э. [Бойко, 2017, с. 51]. Осмотр фрагментов античной керамики, происходящей из ямы № 4, проведенный С.А. Задниковым, позволил ему отнести обнаруженные в данной яме фрагменты к амфорам клазоменского и лессбоского производства конца VI – начала V в. до н.э. Благодарю С.А. Задникова за консультации по данному вопросу.

Одним из ранних таких изображений является голова оленя (лося?) на фрагменте золотой пластины из того же Ильичёвского комплекса.

«Превращение» хвоста или чаще его кончика в голову хищной птицы было довольно распространённым приёмом, более характерным для изображений хищников, но встречается он и при воспроизведении других животных [Канторович, 2002, с. 99-101]. Что же касается оленей, то ещё один пример подобного «превращения» известен только на бляхе с оленем из кургана Куль-Оба [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 213]. Но если на куль-обинском изображении хвост целиком заменён головой птицы, то на ильичёвском – хвост оленя воспроизведён относительно длинный и в голову птицы «превращён» только его загнутый кончик, чем он напоминает изображения хвостов кошачьих хищников второй половины VI – первой половины V вв. до н.э.

А вот размещение на щеке хищника головы птицы (по А.Р. Канторовичу, «трансформация кожно-шерстной складки в основании головы») было одним из распространённых приёмов V–IV вв. до н.э., свойственным для изображений самых разных образов [Канторович, 2002, с. 93].

В целом же, приём зооморфного превращения был одной из самых характерных черт скифского «звериного стиля» и использовался на протяжении всей его истории [Канторович, 2002, с. 77]. Однако интенсивность его использования была всё же разной. По нашему мнению, пик популярности зооморфных «превращений» в искусстве Северного Причерноморья и Прикубанья приходится на вторую половину VI – первую половину V вв. до н.э. В частности, это выразилось в том, что на одном изображении данный приём использовался трижды, а иногда и чаще (см., например, изображения «лежащих» хищников типа Витовой Могилы или свернувшихся хищников типа Ковалёвки – Басовки). На наш взгляд, соответствует этому пику и ильичёвское изображение.

В стилистическом плане ильичёвская пластина-обивка горита значительно отличается от второй пластины из этого же комплекса (по-разному трактованы головы хищных птиц, рога и морды копытных животных). Это может быть свидетельством как того, что пластины выполнены разными мастерами, так и того, что обивка горита произведена несколько раньше второй пластины, стилистические аналоги которой можно найти на других изделиях V в. до н.э. Однако более детальное рассмотрение этого вопроса уже выходит за рамки данной работы.

Таким образом, ильичёвская золотая пластина со сценой нападения трёх хищников на оленя, служившая обивкой горита и происходящая из комплекса, датирующегося в пределах первой половины V в. до н.э., во многом является ключевой для понимания процессов трансформации скифской культуры в данный период. Это одно из самых ранних изображений, представляющих в западных регионах скифского мира сцену терзания, воплощая в ней тему жертвоприношения в уникальной трактовке – предназначенности жертвы трём сферам мироздания. Это самое раннее (из ныне известных) изображение сцены терзания, в которой в качестве жертвы выступает олень. В соответствии с композицией сцены на данной пластине, вероятно, впервые появляется новый иконографический образ «лежащего» оленя, который в последующем становится доминирующим в искусстве западных регионов скифского мира, в отличие от восточных регионов, где оленя до конца скифской эпохи продолжали изображать в классическом виде «летающим», а в качестве жертвы это животное выступает лишь в единичных случаях. Это во многом уникальное изображение, созданное с использованием оригинальных или достаточно редких стилистических приёмов, благодаря которым образы всех четверых животных воплощены достаточно условно (в соответствии с традициями скифского «звериного стиля») и, в тоже время, со значительной долей реализма (возможно, под определённым влиянием античного искусства).

ПРИМЕЧАНИЯ

Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 183-195.

Алексеев А.Ю. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV-III вв. до н.э. // АСГЭ. – 1984. – № 25. – С. 65-75.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника. (Скифы в VII-IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). – СПб., 1992. – 135 с.

Алексеев А.Ю. О так называемых «нашитных эмблемах» скифской эпохи // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тысячелетиях до н.э. Материалы конференции. – СПб., 1996. – С.130-134.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.

Алексеев А.Ю. Большие бляхи в виде животных – украшения скифских горитов // История оружия. Альманах. – К., 2014. – № 10. – С. 69-74.

Античные памятники Крыма / Отв. ред. Т.Л. Самойлова. – К., 2004. – 288 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага-Ленинград: Артия-Искусство, 1966. – 120 с., илл.

Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). – Л.: ЛГУ, 1974. – 156 с.

Бандрівський М.С. Образотворчі традиції на заході Українського Лісостепу у VII – на початку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації // Археологический альманах. – Донецк, 2010. – № 21: Изобразительное искусство в археологическом наследии. – С.145-177.

Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. – К.: Издательский дом «Скиф», 2012. – 814 с.

Бобринский А.А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. – СПб., 1901. – Том 3. – 174 с.

Бойко Ю.М. Соціальний склад населення басейну р. Ворскли за скіфської доби. – Київ-Котельва, 2017. – 188 с.

Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. – СПб., 2004. – № 11. – С. 275-295.

Венедиков И. Фракийский мотив в искусстве скифов // Studia Thracica. I: Фрако-скифские культурные связи. – София, 1975. – С. 103-110.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. “Царские” погребения раннескифской эпохи. – М.: Палеограф, 1997. – 316 с., табл.

Гречко Д.С. О формировании Классической Скифии в V в. до н. э. // Археологія і давня історія України. – 2017. – Вип. 2 (23): Старожитності раннього залізного віку. – С. 78-106.

Грибкова А.А., Полидович Ю.Б. Фигурка быка скифского времени из собрания Б.И. и В.Н. Ханенко // Археологический альманах. – № 30. – Донецк, 2013. – С. 259-277.

Грибкова Г.О. Ювелірні вироби з кургану № 5 біля с.Архангельська Слобода // Эпоха раннего железа. Сб. научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. – Киев-Полтава, 2009. – С. 103-110.

Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 2 (30). – С. 75-92.

Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. – К.: КНТ, 2011. – 848 с.

Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 1999. – Вып.2. – С. 93 – 126.

Ильинская В.А. Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье // КСИА АН УССР. – 1954. – Вып. 3. – С. 66 – 70

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. – К.: Наукова думка, 1968. – 267 с.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. – К.: Наукова думка, 1983. – 380 с.

Іллінська В.А., Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // Археологія. – 1971. Вип. 4. – С. 73 – 79.

Канторович А.Р. «Летающие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля Степной Скифии // Историко-археологический альманах. – Армавир; М., 1996. – Вып. 2. – С. 46-59.

Канторович А.Р. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Том 1. – Донецк: ДонНУ, 2002. – С.77 – 130.

Канторович А.Р. Восточноевропейский скифский звериный стиль и предметы скифского вооружения // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – С. 130 – 140.

Київський музей історичних коштовностей. – К.: Мистецтво, 1974. – 196 с.

Ковалёва И.Ф., Мухопад С.Е. Скифское погребение конца VI – V вв. до н.э. у с. Александровка // Древности степной Скифии. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 91 – 102.

Колтухов С.Г. «Золотой» Симферопольский курган // Херсонесский сборник. – Вып. X. – Севастополь, 1999. – С. 7 – 22.

Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифские погребения в курганном могильнике Дорт-Оба // История и археология Крыма. – 2015. – № II. – С. 102 – 122.

Королькова Е.Ф. Конский «эгрет» со сценой терзания из Сибирской коллекции Петра I // Сообщения Гос. Эрмитажа. – 2011. – Вып. LXIX. – С. 5 – 14.

Королькова Е.Ф., Алексеев А.Ю. Олень из кургана Куль-Оба // Проблемы археологии. – СПб., 1994. – Вып. 3. – С. 102 – 109.

Кулатова I.М., Скорий С.А., Супруненко О.Б. Курганы поблизу с. Волошине в пониззі Пела. – К., 2010. – 160 с.

Лесков А.М. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. – 1968. – № 1. – С. 158 – 165.

Лесков А.М. Новые сокровища курганов Украины. – Л.: Аврора, 1972. – 152 с.

Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. – Л.: Наука, 1981. – 168 с.

Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 23-38.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. – 1964. – Вып. Д1-4. – 92 с., 23 табл.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. – К.: Наукова думка, 1979. – 252 с.

Мозолевський Б.М. Скіфський степ. – К.: Наукова думка, 1983. – 200 с.

Мурзин В.Ю. Два раннескифских комплекса из Запорожской области //

Новые исследования археологических памятников на Украине. – К.: Наукова думка, 1977. – С. 54 – 68.

Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – К.: Наукова думка, 1984. – 134 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). – М.: Наука, 1991. – 256 с.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М., 2005. – 300 с.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднпровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. // САИ. – 1966. – Вып. Д1-27. – 71 с., 25 табл.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Восточная литература, 1994. – 208 с.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных // ВДИ. – 1993. – № 4. – С. 110 – 118.

Подольский М.Л. Зверь, который был сам по себе, или феноменология скифского звериного стиля. – СПб., 2010. – 192 с., ил.

Полидович Ю.Б. Скифські хрестоподібні бляхи // Археологія. – 2000. – № 1. – С. 35 – 48.

Полидович Ю.Б. Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Том 3. – Донецк, 2006. – С.291 – 302.

Полидович Ю.Б. Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / отв. ред. д.и.н. С.И. Лукьяшко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014-а. – С. 290 – 309.

Полидович Ю.Б. Структура и символика декора ножен мечей скифского времени // Музейні читання. Матеріали наукової конференції "Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки" (18-20 листопада 2013 р.). – К.: ТОВ "Фенікс", 2014-б. – С. 152 – 169.

Полидович Ю.Б. Лев и пантера (ажурные пластинки из Мелитопольского кургана) // Археологія і давня історія України. – 2017. – Вип. 2 (23): Старожитності раннього залізного віку. – С. 185 – 192.

Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V-IV вв. до н. э. на Херсонщине. – К.: ФООП «Видавець Олег Філюк», 2014. – 774 с.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. – Л., 1925. – 621 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. – 1962. – Вып. Д3-9. – 51 с., табл.

Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. – Алматы, 2005. – 184 с.

Скудная В.М. Архаический некрополь Ольвии. Каталог одной коллекции. – Л.: Искусство, 1988. – 184 с.

Троицкая Т.Н. Сцены терзания в скифо-сибирском и хунно-сарматском искусстве // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень, 1997. – С. 35 – 38.

Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе / Под ред. А.И. Иванчика и А.М. Лескова. – Москва, Берлин,

Бордо: Палеограф, 2015. – 178 с., 42 табл.

Хазанов А.М. Золото скифов. – М.: Советский художник, 1975. – 260 с.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Поднепровья. – К., 1899. – Вып. II. – 44 с.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Поднепровья. – К., 1900. – Вып. III. – 22 с.

Черненко Е.В. Оружие из Толстой могилы // Скифский мир. – К.: Наукова думка, 1975. – С. 152-173.

Черненко Е.В. Скифские лучники. – К.: Наукова думка, 1981. – 168 с.

Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 194 – 209.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) // Більське городище в наукових працях Б. А. Шрамка. – Котельва-Харків, 2016. – С. 247 – 392.

Шрамко И.Б. Новый погребальный комплекс раннескифского времени в могильнике Скоробор // Археологія і давня історія України. – К., 2017. – № 2: Старожитності раннього залізного віку. – С. 368 – 380.

Штітгельман Ф.М. Античне мистецтво. – К.: Мистецтво, 1977. – 180 с.

Яковенко Е.В. Скифы Східного Криму в V-III ст. до н.е. – К.: Наук. думка, 1974. – 252 с.

Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 128 – 137.

Янгулов С.Ю. Скифские двулезвийные мечи из Елизаветовского могильника (V-IV вв. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Мат-лы X международной научной конференции 29 мая – 3 июня 2001 г. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического университета, 2002. – С. 28 – 31.

Яценко И.В. Искусство эпохи раннего железа // Произведения искусства в новых находках советских археологов. – М.: Искусство, 1977. – С. 42 – 103.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz von Aržan. Ein Fürstgrab der Skythenzeit in der südsibirischen Steppe. – München: Schirmer/Mosel. 2006. – 144 S., 78 Farbtafeln.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid-7th to 3rd century B.C. – Leningrad: Aurora, 1986. – 184 p.

Simone M. Haarwirbel und Haarbüschel im skythischen und thrakogetischen Bildrepertoire // Hamburger Beiträge zur Archäologie. – 1991. – Band 18. – P. 181 – 215.



Рис. 1.
Пластина-обивка из кург. 1 у с. Ильичёво.
Коллекция МИДУ, инв. № АЗС-2288/1.
Фото Д.В. Ключко.



Рис. 2.
Пластинки-обивки горита
из кург. 1 у с. Ильичёво.
Коллекция МИДУ,
инв. № АЗС-2288/1-2.
Фото Д.В. Ключко.



Рис. 3.
Пластинка из кург. 1 у с. Жаботин.
Коллекция МИДУ, инв. № ДМ-6378.
Фото Д.В. Ключко.